

Он видел в человеке образ Божий

ЗЕМЛЯКИ

Сегодня, 15 июля, исполняется сто лет со дня рождения Бориса Георгиевича Старка. Этого человека высочайшей культуры, прожившего удивительно интересную жизнь, помнят и чтут многие ярославцы.

Старейший клирик Ярославской епархии, почётный настоятель Феодоровского кафедрального собора Ярославля, протоиерей Борис Георгиевич Старк прослужил в священном сане 59 лет.

Сам Борис Георгиевич в шутку называл себя «моряком в квадрате», поскольку мама его была из потомственной семьи морских офицеров. Её отец, дедушка Бориса, был адмиралом, в этом же чине командовал Балтийским флотом и мамин брат, дядя Бориса. Что касается отца, то вот что пишет Борис Георгиевич: «Мой отец к моменту моего рождения был старшим офицером на «Авроре». В японскую войну, во время Цусимского боя, когда капитан был убит, вступил в командование кораблём и вывел его из окружения. В плен они не сдались, а ушли на Филиппинские острова. По иронии судьбы почти двадцать лет спустя папе пришлось отступить со своею Тихоокеанской флотилией уже перед Красной Армией...

...В семье царили любовь и согласие: никогда никаких разногласий, никаких ссор – «это была основа моего воспитания. Конечно, все были верующие, но сказать, что очень церковные, было бы неправильно. Как и большинство офицерских семей, по большим праздникам мы ходили в церковь, раз в году причащались, постов не соблюдали». Бабушка, как её величали, «верховный командующий» большой и дружной семьи Старков, будучи лютеранкой «по паспорту» и православной по существу, подарила внуку Борису его первое Евангелие. «И я считаю, что именно она дала мне первое религиозное воспитание, заложила первый кирпичик моей будущей церковной профессии», – вспоминал годы спустя протоиерей Борис.

Обе революции – и Февральскую, и Октябрьскую – семье пережила в Гельсингфорсе. Отца Бориса, адмирала Георгия Старка, очень любили матросы, они-то и спасли его, когда революционные «братушки» с

пулемётами косили очередями. Когда семья адмирала Старка сильно нуждалась, именно простые матросы со всех концов света посылали им с оказией продукты.

Долго учиться в гимназии Борису Старку не пришлось, хотя начало этой учёбы было чудесным: знаменитая гимназия Мая, воспитанниками которой, «майскими жуками», были все

Богу, а я с ним вместе», – вспоминал Борис Георгиевич.

...Начался НЭП, открыли границы, «все наши друзья уезжали». После утомительных бюрократических проволочек в 1925 году, после кончины матери, шестнадцатилетний юноша Борис с младшей сестрой выехали в Париж к отцу. Больше всего на свете юноша грезил о сани священника, однако отец не сочувствовал церковной карьере сына, и, не желая огорчать отца, Борис поступает в институт, по окончании которого работает инженером-электриком. В эти же годы он попадает в орбиту Русского студенческого христианского движения. «Для меня наступила новая эра. В христианском

детства. И с ними, смотрю, едет маленькая девочка, совсем молоденькая, я думал, ей лет четырнадцать – пятнадцать, не больше. Большая – с палочкой, хромает, нога болит... Я пожалел, что нога болит, подошёл к ней. Это был понедельник. А в пятницу, через четыре дня, мы пошли к владыке: «Владыка, благословите нас на семейную жизнь, – пишет в своих воспоминаниях Борис Старк. – И с тех пор шестьдесят четыре года мы вместе, и за шестьдесят четыре года у нас не было ни одного облачка, ни одной размолвки, ни одного грубого слова, ни одной обиды...»

А вот воспоминания о том времени самой Натальи Дмит-

тельно относятся тогда к родителям, когда видят, что родителям трудно... Трудности никогда не утяжеляли нашу жизнь: знаете, когда люди сами благожелательно относятся к другим, кругом всё хорошо».

Время было непростое: Борису Георгиевичу приходилось работать то инженером, то коммивояжёром, то инкассатором. В 1937 году был рукоположен митрополитом Евлогием (Георгиевским) в сан дьякона, год спустя получил маленький приход в пригороде Парижа. Всё заработанное на гражданской работе отец Борис теперь отдавал своим бедным прихожанам. «На мне – гражданская работа (инкассаторство), на мне – работа с мальчиками и служба в детском доме. И по дороге ещё в Сен-Женевьев надо на кладбище заезжать, потому что всё время кто-то вызывает, кого-то из знакомых хоронят... Так что я ходил «с высунутым языком», – так отзывается о том времени отец Борис.

Однако вскоре материальное положение упрочилось, и Борис Георгиевич смог посвятить себя без остатка Русскому дому в Сен-Женевьев-де-Буа близ Парижа, служению в Никольском храме и заботам о кладбище. На этом кладбище отец Борис похоронил и своего первенца, Серёжу, умершего в феврале 1940 года, и духовного отца, владыку Евлогия, по примеру которого стал советским гражданином. В 1947 году отец Борис объехал все основные места боёв минувшей войны и своими руками выкопал и перезахоронил на Русском кладбище останки русских солдат, погибших на французской земле.

Только в 1952 году Борису Георгиевичу Старку разрешили вернуться на родину, в Россию. «Я занимал большое место – в Херсоне управлял всей Херсонской епархией, волей-неволей приходилось встречаться со всеми представителями властей. Но не было ни разу, чтобы меня заставили сделать что-то такое недостойное, в чём бы я стыдился признаться», – говорил Борис Георгиевич. Под его непосредственным наблюдением восстанавливались старые храмы, возводились новые, освящались престолы.

В 1960 году Борис Старк переведён в Ярославскую епархию настоятелем Вознесенско-Георгиевского храма Рыбинска

и благочинным Рыбинского округа, а затем назначен в ярославский Феодоровский кафедральный собор, возведён в сан протоиерея. Награждён тремя орденами Русской православной церкви, Патриаршим крестом – личной наградой Патриарха Мимена, выше которого, по словам отца Бориса, «только дубовый крест на могиле».

«Вся моя жизнь – сплошное Чудо. Казалось бы, я потерял всё и остался у разбитого корыта, но получил там, где я меньше всего ожидал. И если бы мне сказали тогда, в Париже, что я буду священник, буду жить на родной земле, и со мной будет рядышком друг всей моей жизни, с которым мы прожили шестьдесят три года без единой ссоры, я сказал бы: это Чудо. И то, что у меня семья, как «колхоз»: двадцать восемь душ – и все как-то живём, – сплошное Чудо!» – не уставал до последнего своего дня восторгаться Борис Георгиевич.

Проникновенные богослужения, а особенно искренние убедительные и доходчивые проповеди отца Бориса всегда собирали много верующих. Его слава духовника распространялась широко и приводела к нему на исповедь людей самых разных не только из Ярославля, но и из многих городов нашей страны. Для всех у отца Бориса находились нужные, мудрые слова поддержки, утешения, назидания. Будучи человеком подлинно интеллигентным, широко эрудированным, он был истинным пастырем высочайшей культуры. Он умел полюбить человека, заглянув в его глаза и увидев в них образ Божий. Эта любовь была искренней и помогала хранить молитвенную память о каждом, кто хотя бы однажды общался с ним.

Вместо послесловия

...Протоиерей Борис Старк закончил свой земной путь 11 января 1996 года. Похоронен он на кладбище церкви Параскевы Пятницы на Туговой горе. Рядом могилой его супруги Натальи Дмитриевны и одного из его сыновей, Николая. Оба сына Бориса Старка, и Николай, и Михаил, пошли по стопам отца – отец Николай служил в церкви в Крестах, отец Михаил – в Яковлевском храме. Отец Михаил, согласно его воле, похоронен у стен Яковлевской церкви.

Лариса САХАРОВА.

Бенуа, Рерихи, Добужинские. Однако в возрасте девяти лет мальчик был вынужден поступить на службу рассыльным в Морскую академию.

«Однажды я нашёл в помойке много книг – Евангелие, молитвенник, Жития святых. Я всё это подобрал, принёс домой и стал углубляться в богослужебную жизнь. Мало того, я решил дома устроить подобие церкви. У меня был маленький медвежонок, для которого сшил священническое облачение, устроил маленький престол, иконостас. И мой маленький медвежонок у меня служил, молился

движению я почувствовал, что там все жили Россией, жили церковной жизнью. Приезжали видные священники, профессора Булгаков, Бердяев, Ильин, Вышеславцев, Флоровский – самый «цимис» нашей богословской философской мысли, читали доклады. Я вдруг почувствовал, что тут я – в России», – вспоминал Борис Старк.

Вскоре, в 1929 году, произошла ещё одна судьбоносная встреча – с будущей женой, Натальей Дмитриевной Абашевой. «Мы пошли встречать дочерей адмирала Пилкина, которых мы знали ещё в дни нашего

приезды: «Когда мы только познакомились, сразу выяснилось, что у нас самые основные жизненные позиции совершенно совпадают, то есть отношение к семье, к Церкви и к Родине. Жили мы дружно, и его папа меня очень любил, я его тоже очень любила. С моей мамой они были дружны, она часто говорила: «Он мне ближе, чем сын!». Хорошо было. Жизнь у меня, я считаю, просто исключительно счастливая. Можно каждому пожелать такой жизни. Всегда было мало денег. Я считаю, что это очень хорошо. Это и для детей полезнее: они более внима-